

Вадим Месяц

ТЩЕТНЫЙ
ЗАВТРАК

Вадим Месяц

**Тщетный завтрак.
Избранное. 1984–2014**

НП «Центр современной литературы»

1984–2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Месяц В. Г.

Тщетный завтрак. Избранное. 1984–2014 / В. Г. Месяц — НП
«Центр современной литературы», 1984–2014

ISBN 978-5-91763-423-4

В сборник «Тщетный завтрак» вошли стихи, написанные с 1984 по 2014 годы. Релятивистские фантазии, фольклорные стилизации, мифотворчество разных уровней (от исторического до чисто интуитивного), лирические стихи. Академик Вяч. Вс. Иванов определял поэтику В. Месяца «как сложные построения в духе Нового барокко», И.А. Бродский говорил «об обиняковости, косвенности речи», А. Парщиков считал, что в этой поэзии «есть целый заповедник ситуаций, никогда до этого не попадавших в чье-либо поле зрения». Книга составлена из наиболее простых, традиционных стихотворений, специально отобранных автором, но свежесть и образная неожиданность явно выводят их за пределы классической просодии. Треть текстов «Тщетного завтрака» публикуется впервые.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91763-423-4

© Месяц В. Г., 1984–2014
© НП «Центр современной
литературы», 1984–2014

Содержание

Песенка сквозняка	7
Норвежская сказка	7
Песенка сквозняка	8
Вы хотели голубя?	9
Души бездорожья...	10
Беловодье	11
Сон в Сан-Хозе, почти – во Фриско	12
Любовь гнома	13
Изумрудный город	14
Кузбасский поселок	15
Мюнхгаузену, знаменитому вспоминальщику	16
Каникулы	17
Мама в августе	18
Именинник	19
Глазами Ванги	20
Детский сад № 2	21
Жмурки в поезде	22
Вор в поезде	23
Свадьба в пригороде	24
Командировочный	25
Тщетный завтрак	27
Сахар, олово и лед	28
Элегия	29
Салливан Айленд	30
Рыбацкая считалка	31
Лист	32
Помню, ветер шумел	33
Легран в парикмахерской...	34
Листопад	35
Апассионата	36
Холостяцкая песенка	38
До свидания	39
Халиф на час	40
Ласточке	41
Бибракт	42
Табу детской комнаты	42
«Dahin, dahin...»	43
Конь деревянный, не оловянный конь	44
Новорожденный	45
Украденный совет	46
Отчаяние	47
Чабаклы	48
Виночерпий	49
В гостях на родине	50
Младенцы	51
Свадебное путешествие	52

В гуле дождя проливного	53
Любовь	54
У синего моря	55
Гроза	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вадим Месяц
Тщетный завтрак: Избранное
1984–2014

© В.Месяц, 2018

© Е. Перченкова, оформление, 2018

© Издательство «Водолей», оформление, 2018

Песенка сквозняка

Норвежская сказка

Это не слёзы – он потерял глаза.
Они покатались в черный Хедальский лес.
Их подобрал тролль.
И увидел луну.
Это не жаба – он потерял язык.
Тот поскакал в черный Хедальский лес.
Его подобрал тролль.
Увидел луну и сказал: «Луна».
Она подороже, чем золотой муравей,
И покруглей, чем мохнатый болотный шар.
Тролль хохотал, и его подобрал разъезд.
Чтобы не плакать, нужно скорее спать.

1984

Песенка сквозняка

Дающие обещания
хранят не молчанье, а золото.
Ищут поляны щавеля,
вступают в озера холода;

Спешат в перепады, в полосы,
под птичьим мельканьем прячутся;
не спрашивают вполголоса,
когда им судьба назначится.

Для них больше нету времени
царями быть, пилигримами,
причислиться к роду-племени,
остаться навек любимыми —

Их радуют только мельницы,
где тихо пшеница падает,
за то, что вот-вот изменится
все то, что сегодня радует.

Зачем же ты, моя дальняя,
фонарь на двери привесила?
Свистеть в пустоту нахальнее
и даже весело. Весело.

Вы хотели голубя?

Вы хотели голубя? – Вот голубь.
Здесь не надо ни на грош уменья.
Но младенец истину глаголет,
если у него пеленки сменят.
Знаю: вы попросите хоромы...
Выполнять желания опасно...
Мы еще как будто не знакомы,
как зовут вас, покажите паспорт.
Не попросите – теперь вам верю.
Очень даже скромная фамилья.
Припадайте не к глазку на двери —
припадайте к рогу изобилья.
Вы хотели счастья? – Вот счастье.
Основное в этом хитром деле —
жить, предполагая ежечасно,
что все так идет, как вы хотели;
выбирайте путь посередине
старческого ль, детского рыданья...
Все равно мы присно и отныне
в этом странном месте без названья.

Души бездорожья...

С. Тендитному

Ты ли, Боже, бросил дрожжи
в наши души бездорожья,
в наши годы безвременья,
размывающие возраст, —
кто-то скажет: день был прожит,
он – ступенечка старенья,
только это будет ложью.
Просто мы сжигали хворост
и корявые поленья,
изучая суть явленья,
чтоб забыть его еще раз.

Беловодье

На ветру газета ярко горит,
развернешь – и не удержишь в руках.
Как сыграли Лиссабон и Мадрид,
не успеешь дочитать впопыхах.

Керосинками чадят пикники,
господа уходят в фанты играть.
Тянут жребий боевые полки,
за кого идти теперь умирать.

Дворник медленную стружку метет,
и на камешках железо искрит.
В Божьем храме удивленный народ
детским голосом с царем говорит.

Ниткой бусинок он нижет слова,
колыхая разноцветную ртуть:
за венедами звенит татарва,
за мордвою – белоглазая чудь.

Мы оглохли от бессонных цикад,
обнимая глупых девок во сне,
по откосам ниспадает закат,
застывает страшным комом на дне.

Люди белые идут за стога,
а выходят, будто тени темны.
На ковре пылает след сапога.
а на солнце – отпечаток луны.

Сон в Сан-Хозе, почти – во Фриско

– Матушка, кто это?

– Это шумит береза.

К нам возвратились деревья сожженных гаремов,
они выходят на берег со дна океана,
несут тело султана.

– Никогда не слушай шепота спящих,

не проси пера у стрелы, просвистевшей мимо.

Сестра ветряной мельницы и соломы,
я тебе говорю.

– Матушка, что это?

– Это сжигают ведьму.

К нам возвратились кремь и стальное железо,
если бросить их в воду – они утонут,
усопших тронут.

Но знай, что ведьма всегда поднимется в небо,

даже если укутает ноги рыбацье сетью.

Хозяйка трех пуговиц и папиросы,
я так всегда говорю.

– Матушка, где мы?

– Должно быть, уже в Китае.

И китайцы к нам скоро вернутся в бумажных лодках,
они в соседних мирах стрекозу ловили,
вина не пили.

Навсегда измени магнитом соленый полюс,

собери из воды все молекулы дыма.

Повенчай живую сову с электрической лампой.

Так ты всегда и хотел.

Любовь гнома

Синица, синица, давай жениться.
Открою форточку – жду невесту.
Я подарю тебе белую нитку.
Ты мне – зернышко манны небесной.

Нитка – это твои наряды.
Зернышко – наше с тобой угощенье.
Свадьба – это мое утешенье.
Понятно?

Лапкой ты отпечатаешь крестик.
Пальцем я отпечатаю нулик.
Не улетай после свадьбы, невеста.
Песенку спой, чтобы я улыбнулся.

Изумрудный город

Ночь нарастает, царит, довлеет.
Лоб о тяжелые окна студит.
В доме у мужа жена болеет.
Никто не знает, что дальше будет.

Муж ходит один по пустому дому.
В глазах его бродят чуткие звери.
На пути к неизведанному и чужому
он одну за другой закрывает двери.

На кровать садится, берет ее руку.
Но гадать по линиям не умеет.
Как разогнать им тоску и скуку:
в доме у мужа жена болеет.

Он читает ей старую детскую книгу,
и мурашки бегут за его ворот.
И вдруг прозревает, сходя до крика:
«Мы должны идти в Изумрудный город».

И они кладут провиант в корзину.
Уходят удаче своей навстречу.
И горящие окна глядят им в спину,
до тех пор, пока не догорели свечи.

Кузбасский поселок

отцу

На белом свете, в дальнем далеке,
на празднике цветов в шахтерском городке,
где птицы с горьким щавелем дружили,
где плачет мастерица в туесок
и пестрая лошадка греет бок...
А нас поцеловали и забыли.

И мы гуляем с куклой на полу,
и так тепло – и скоро быть теплу,
неслышному, как матушкины слезы.
На станции гармоника дурит,
и возле костыля сапог блеснит,
черно и жадно дышат паровозы.

Все так давно, и будто не про нас.
Мой милый, добрый день – веселый час,
нам снова ждать то счастья, то парома.
И плачется и верится едва,
и нет ни простоты, ни воровства.
Была война. А мы остались дома.

Мюнхгаузену, знаменитому вспоминальщику

Барон, вы в том же домике
с цветком на подоконнике
или переехали в другое государство?
Все по приезде в Бельгию
по магазинам бегали —
я ж вас найти пытался.

Барон, судьба изменчива,
но с вами та же женщина
живет и гладит брюки?
Когда я был в Голландии,
мы сами брюки гладили,
щадя тем самым женское достоинство подруги.

Не знаю, с той ли дамою,
но книгу ту же самую
читаете вы на двадцать восьмой странице?
Когда я был в Уэльсе,
с каким-то пэром спелся,
который убеждал меня вас посторониться.

Забыть мне вас советовал,
и только после этого
я понял, что вас нечего искать по заграницам,
что вы все в том же домике
с цветком на подоконнике
и булки хлеба крошите воронам и синицам.

Каникулы

В мазутной радуге закат
взойдет на хлипкие мостки,
где в пачке сигарет «Дукат»
есть избавление от тоски.

И дрожь слабеющих сетей
утихнет в трепетных руках.
И руки жалобных детей
сожмут пульсацию в висках.

И милиционер с бомжом
рассыпят бисер на газон.
И в кислород как вор с ножом
влетит стремительный озон.

Кто возгорание людей
наукой точной объяснит?
Какой отъявленный злодей
преодолеет боль обид?

Как популярный крепдешин
за габардином встанет в строй
под шум автомобильных шин
произведя самопокрой?

Когда черемуховый цвет
сминает снежная сирень,
то горя нет, и счастья нет,
но длится яблоневый день.

И незастывшая латунь
течет в расплавленную медь.
И в месяц отпуска июнь
вселился розовый медведь.

Мама в августе

Бродит август по Даниловскому рынку,
залезает глазом в глиняную крынку,
отражаясь в молоке, что подороже,
вдруг на миг становится моложе.

Закатившись тихо в заросли укропа,
все лежит, почти что до озноба
вспоминая о траве нездешних улиц,
о цветных камнях в желудках куриц.

Впрочем, мы с тобою тоже бродим,
на лотках что-то знакомое находим.
Будто это все когда-то было...
Только мамка ко столу купить забыла.

У тебя сегодня снова день рожденья.
Георгины, эти страшные растенья,
я внесу и в главной комнате поставлю,
с ними вместе на всю ночь тебя оставлю.

Чтоб ты понял, горько плача под сурдинку:
твое сердце, даже сердца половинку
с той поры, как в первый раз его разбудят,
охранять потом никто не будет.

Именинник

С пьянки-гулянки – в ночь по черному ходу,
разбредаясь по лестницам, как на длинной дороге,
аукаясь между собой, прислоняясь к стенкам,
слушая разных друзей разговоры-звуки,

склоняясь на миг над какой-нибудь жуткой бездной,
жалеть, что не время исполнить арий заморского гостя,
бренча стеклопосудой по коленкам,
влачиться ко дну под тяжестью сумок-сеток,

глядеть чересчур напряженно себе под ноги,
различить, что на них до сих пор домашние тапки,
но в конце концов ты выбрался на природу,
на дворик детских площадок, спортивных клеток,

что давно уже кружишь по-над смешною поляной,
не ищешь скамейки бросить усталые кости,
не сгребашь кусты акаций себе в охапки,
на пути к качелям во тьму выпрямляя руки,

что движешься по песочку, чудной до боли,
переступая холодные тени огромных веток,
что вспомнил много зряшного, а в итоге
отозвался на голос: на птичий, на бесполезный,

и теперь стоишь под какой-то звездой, без шапки,
разминувшись со всеми, один на великой воле,
подойдя к столбу-стояку, решив – деревянный,
едва не плача, почуяв, что тот – железный.

Глазами Ванги

Мы пили вино на озябшей крыше,
И грустно смотрели вдаль.
Все тяжелей, тяжелей и тише
В тумане звенел хрусталь.

Еще не знакомые с горьким горем,
которым больна земля,
мы обнимались. И пестрым морем
качались внизу тополя.

Трамваи уныло гремели в склянки,
на паперти пел слепой.
Осеннее небо глазами Ванги
глядело на нас с тобой.

Оно нас не видело, но узнавало,
покорно на голос шло.
На ощупь злопамятным раздавало
беспамятное тепло.

В столицу неспешно входили танки,
шар летел голубой.
И блеклое небо глазами Ванги
глядело на нас с тобой...

Детский сад № 2

Мы на войну ходили в гулкой рани,
а вечером – у Родины в плену.
Предатель на суде угрюмой няни,
глотаящий предсмертную слюну.

Мне нечего сказать жене унылой,
ведущей счет салатам и борщам,
когда знакомство с общею могилой,
подобно врытым в землю овощам.

Картошкам, огурцам и помидорам,
опущенным в строительные рвы,
глядя в лицо томительным просторам,
с героев не сорвавшим головы.

Когда меня подхватит этот ветер,
и на руках до дома донесет.
Когда из урагана добрый сеттер,
меня возьмет за шкуру – и спасет?

Когда мне пол-лица снесет шрапнелью,
оставив часть счастливого лица.
И лик беды накроется шинелью.
И вечность будет длиться до конца.

Вдоль огородов встанет дым разлуки,
гряды уйдут пешком в чертополох.
И чучело поднимет к небу руки,
откликнувшись на окрик «хендехох».

Жмурки в поезде

Ливень шуршит гравием в небесах,
дюны сахарный пересыпают песок.
Черный платок, затянутый на глазах
больней, чем белый платок,
сжимает висок.

Дети, они коварнее могикан.
Но время проходит. Усталые старики
дуют, согласно ранжиру, в пустой стакан.
И в стакане слышится гул неземной реки.

Доисторическая раковина поет.
История, как чужая жена, на ковре лежит.
Она больше не бьется рыбой об лед.
И, как прежде, мужу принадлежит.

Я беру губами орехи из чьих-то рук,
они сладки как ягоды, без скорлупы.
Вдруг одна из кормилиц ломает каблук.
Люди вокруг меня – слепы.

Они мне родня, мне жалко моей родни,
когда сходит в гроб один и другой народ.
Лишь тот, кому удалось задремать в тени,
с восторгом увидит восход.

На вершину вулкана железнодорожный путь
взбирается по спирали, мешая дым.
Кондуктор главу свою уронил на грудь.
И стал святым.

Вор в поезде

Кровоточит тонкий полюс медленных сердец.
Вор ночной обходит поезд из конца в конец.

Верный ключ подобран точно к каждому купе.
Он ко мне заглянет точно, он придет к тебе.

Тенью сторбленной фигуры шаркнет по стене,
вынет красные купюры он из портмоне.

Из застегнутой прорехи вытянет часы,
да подкрутит для потехи нэпману усы.

У комдива снимет орден с красною звездой.
Он еще на что-то годен, хоть не молодой.

Его милая забыла в свадебном колье.
Пусть он роется уныло в шелковом белье.

И вдыхает над баулом бабий аромат.
Ищет пистолетным дулом страшный компромат.

И потом в вагон почтовый призрачно войдет.
Увидав рассвет багровый с плачем упадет.

В лязге рельсового грома вдруг сойдет с ума.
Нет ему письма из дома, нет ему письма.

Свадьба в пригороде

Разбросаны яблоки по подъезду
дух святой зверем плутает по миру
жених ищет в доме невесту
стучится в каждую квартиру

не заходила? да вот – украли...
древний, но глупый какой обычай...
играет девочка на рояле
вальс собачий рукою птичьей

он пьян сегодня, забыл детали
застолья, несущего весть благую
вы золушку в туфельке не видали?
как жаль, придется найти другую

капают краны, скрежещут трубы
истекает период полураспада
жених безутешно кусает губы
на них осталась ее помада

в небо ночное спешат петарды
среди звезд – избыток пустого места
соседи неспешно тасуют карты
и в каждой постели его невеста

мусором старым и перегаром
дышат щели дверные в миры иные
и летят далеко, как в орду к татарам
мендельсона унылые позывные...

Командировочный

Строенья ветшают, ясны на просвет
как будто под корень источены молю.
Хрустящий в проулках полуденный свет
как груздь пересыпан кошерною солью.

Кирпич превращается в горстку песка.
Сугробом просевшим расплющился город.
Вещественной стала земная тоска.
и каменной пылью залезла под ворот.

Мы ванну не любим, мы в баню идем.
Наш веник дрожит мушкетерскою шпагой.
И раком вареным под жарким дождем
мы ляжем костями с горемычной отвагой.

Лежащие в моргах, на койках общаг,
в лебяжьем пуху многозвездных отелей,
усните сегодня, как я, натошак,
переутомленный рабочей неделей.

В глазах моих парится жидкий азот
залогом хорошей, морозной погоды.
Играй в лотерею – тебе повезет,
но лучше вкуси сексуальной свободы.

Почувствуй желанье на спелых губах,
родство с населеньем на полном наиве:
летучие рыбы из белых рубах
отчаянно вырвутся в страстном порыве.

Какая из женщин судьбу победит,
взбивая, как сдобное тесто, перины?
Но если одна тебе сына родит,
то все остальные придут на крестины...

Сынку всей компанией имя дадут
красивое имя во славу героя...
Тебя здесь оженят, потом разведут...
И смокинг пошлют делового покроя...

Огонь под иконами спящих лампад
мутнеет как плотная взвесь самогона.
Но на депутата гнилой компромат
едва ли превысит размера вагона.

И только напор оркестровой трубы
в сноровке гаврил мафиозного клана,
сметет, словно сор, короба и гробы
к глухим декорациям заднего плана.

Тщетный завтрак

Алмазная крошка,
разбитая напрочь посуда,
соленые брызги на розовых щечках шатенки,
мне снятся, пока индевеет полет парашюта,
и перышком с ягодных клецок
снимаются пенки.

Пунктирная шпага
на пике высокого взмаха
рассыпалась звонкими словно капель позвонками,
но словно по швам разошлась трудовая рубаша
с раскрытыми для векового
объятья руками.

Актерская слава
важней, чем солдатская слава:
ей сложно остаться посмертной в сознании подруги.
Большим хороводом в садах растянулась облава
и лают собаки, и слышатся
громкие звуки.

В гранитной норе,
где блаженствуют скользкие змеи,
сплетаясь в любовной истоме в канаты и тросы,
змеиную мову по-прежнему не разумея,
ты вспомнишь прелестной Марии
упрямые косы.

И стан ее тонкий,
похожий на юркую прялку,
и взгляд ее томный, что выйдет товарищу боком.
Скорее включи в вышине
голубую мигалку...
И нас напои родниковым
грейпфрутовым соком...

Сахар, олово и лед

Луч проходит через лед
и с блаженством детской боли
из прорехи пламя льет,
прожигая мех соболий:
и душа моя – в неволе,
сбита словно птица влет.

Ночь в деревне настает:
браконьер ушел от штрафа.
Сердце девичье снует
тьмою платяного шкафа.
В круглых окнах батискафа
Затонувший теплоход.

Не назначен смертный час,
не осмыслить день и дату,
что даны в последний раз
оловянному солдату:
за лирическую плату
нас включили в высший класс.

Руки входят, как домой,
на ходу роняя спицы,
в шерстяные рукавицы,
что так выгодны зимой.
В море прыгают девицы,
исчезая за кормой.

Открывался синий глаз,
в нем раскидывалось поле
всё в снегу, и на приколе
гнил забытый тарантас,
и на нем дурак в камзоле
холодно смотрел на нас.

Ты уедешь навсегда
на колесном пароходе.
Облака на небосводе
расслоятся как слюда.
И уже завтра в моде
станет с сахаром вода!

Элегия

Где ты, картонный Марко Поло
что плыл за море на спине?
Где два горбатых богомола
стирали простыни в огне?
Где бродит молоко верблюжье
скисая в сладостный шубат?
И огнестрельное оружие
со стен стреляет невпопад?
С мечтой о молоке и хлебе
из глины человек возник.
Пусть молния сверкает в небе,
пусть в дельте падает тростник.
И голубой мятежной кровью
молитвы пишет рифмоплет,
а на устах – печать безмолвья,
и на глазах прохладный лед.
Сравни монаха лысый череп
с нетленной мудростью яйца.
Но разве циркулем отмерен
овал любимого лица?
И разве брошенные в пропасть
свои объятья разомкнут,
и в небеса бесценный пропуск
ладошкой нервной сомнут?
Я знаю в яростной атаке
глубинной грусти седину,
и в лае загнанной собаки
во рту тяжелую слюну,
и неуклюжего престола
слоновью вычурную кость.
И свет слепого произвола.
И счастья праведную злость.

Салливан Айленд

Галька шуршит под ногой как победный марш.
Ты идешь по пляжу совсем один.
Этот мир когда-нибудь будет наш.
Ты сам себе господин.

Дачные домики расположены у воды.
Выходы к океану наперечет.
Поднимается ветер и, значит, твои следы
никакая ищейка не засечет.

Никакая женщина, проживающая на материке,
не потревожит тебя звонком.
Одна хорошо умела гадать по руке,
только с ней ты и был знаком.

Можно прожить до старости с кем-нибудь,
все равно никто ничего не поймёт,
не потому что всё сложно, а потому что путь,
если он тебя выбрал, свое возьмёт.

Раньше тебя убаюкивал звон цикад,
согревал, на коленях мурлыча, ангорский кот.
И на горизонте большой закат
ты мог принять за восход.

Рыбацкая считалка

Одеялом фиолетовым накрой,
нежно в пропасть мягкотелую толкни.
Я бы в бурю вышел в море как герой,
если справишь мне поминки без родни.

Верхоглядна моя вера, легок крест.
Не вериги мне – до пояса ковыль.
По ранжиру для бесплодных наших мест
причащеньем стала солнечная пыль.

Только спящие читают как с листа
злые смыслы не упавших с неба книг,
вера зреет в темном чреве у кита,
и под плитами томится как родник.

Возле виселицы яблоня цветет,
вдохновляя на поступок роковой,
небесами тайно избранный народ
затеряться средь пустыни мировой.

Рвется горок позолоченных кольцо,
сбилась в ворох сетка северных широт,
раз за мытаря замолвлено словцо,
он с улыбкой эшафот переживет.

Присягнувшие морскому янтарю,
одолевшие молитву по слогам,
я сегодня только с вами говорю,
как рыбак твержу унылым рыбакам.

Трепет пальцев обжигает тело рыб,
мы для гадов – сгустки жаркого огня.
Если я в открытом море не погиб,
в чистом поле не оплакивай меня.

Лист (tempo)

лист догорающий лист догоняющий лист
наскоро выдранный ветром заигранный в вист
зрячему под ноги или незрячим в лицо
в беличем всполохе брызгами на колесо
по ниспадающей баюющий тяжкую сеть
городом кладбищем на неразменную медь
лист вызывающий жизнь выбирающий лист
бликом пожарища в тоненькой щелке кулис
смутю путанный битый моченым кнутом
шуганный пуганный насмерть покрашенным ртом
спящим пропащим тем слаще залегшим на дне
что ну прощайте куда еще в этой стране
лист исчезающий эта слеза не в счет лист
лист собирающий мне отражение лиц
сброшенным скошенным выброшенным из тем
гостем непрошеным как и положено всем
не на мощеную черную улицу вскользь
лист полоснувший мне душу по самую кость
не червоточиной в этом проточном шинке
детской пощечиной на отсырелой щеке

Помню, ветер шумел

Помню, ветер шумел в пустом облетевшем сквере,
завершив свой рассветный пробег по соседним странам;
в Москве становилось светло, но вот только двери
всех домов оставались закрыты, что было странным —
хоть считай дни недель, загибая за пальцем палец,
чтобы вдруг натолкнуться на праздник и воскресенье,
начиная с даты приезда, как постоялец,
недовольный своим визитом, но в этот день я —
среди книг, что лежали обрезками черных досок
вперемежку со старой одеждой, помимо пыли
покрываясь стремительной тенью цветных полосок,
преломленного солнца сквозь флаги столиц и шпили, —
свой игрушечный мир обводил безупречным взглядом,
будто целую вечность спокойно глядел на вещи,
потому что, случайно проснувшись с тобою рядом,
я успел поделиться разгаданным сном зловещим.

Легран в парикмахерской...

Легран в парикмахерской на фоно
в трескучем эфире сквозь треск помех.
Как ты аккуратна, но все равно
в рабочей серьезности слышен смех.

«Сегодня для стрижки хороший день,
мой бог откровенен со мной одной,
глазами меня не спеша раздень».
А завтра у девушки выходной.

Сегодня для жизни хороший день,
я каждое утро привычно вру,
что место под солнцем заменит тень,
а ночь – вспышка памяти поутру.

Мы с вами знакомы давным-давно...
Да, я разговорчивый человек...
Легран в парикмахерской на фоно.
Последний день месяца. Первый снег.

Листопад

Н. Ефимовой

Как бродяга, волочился за тобою листопад.
Ты загадывала числа и звонила наугад.
И в измученных конторах каждый правильный мужчина
отвечал «совсем не занят, и к тому же очень рад».

Как чумные, тормозили по обочинам такси,
предлагая вместо денег прокатиться за «мерси».
Ты же скромно отвечала то, что царственность походки
демонстрируется лучше без резиновых шасси.

И витрины превращались в перекрестный ряд зеркал.
Манекены виновато прикрывали свой оскал.
И за стойкой в темном баре мимолежный взгляд подруги
плавно рассыпал цикуту в твой недопитый бокал.

По кирпичным переулкам дул кофейный ветерок.
В каждом городском отеле был похожий потолок.
День тянулся ровно столько, сколько нужно для кокетки
сохранять от посягательств фильдеперсовый чулок.

Я ведь все прекрасно знаю про забавного себя.
Что я мог всем им ответить, старый шарфик теребя,
как бы смог я насмеяться над шикарными жлобами,
если б в этот миг со мною рядом не было тебя?

Если хочешь, подарю тебе ужасный красный бант.
Если хочешь, напророчу, напрягая весь талант,
что тебя, как приживалку, скоро выгонят из дома,
но на счастье подарят бесподобный бриллиант.

У любых людских историй есть родимое пятно.
Мы сегодня уезжаем, и, должно быть, не грешно
поглядеть в окно вагона, как далекие деревья,
словно злые человечки, побегут в немом кино.

Апассионата

Полярным сиянием
частных семейных квартир,
пылают тяжелые цепи горящих конфорок,
когда за железною дверью
слепой конвоир
на белую марлю кладет
ослепительный творог...

И в легких прокуренных
тлеет искристый узор
озоновым слоем возросшего в небе разряда,
у каждого кто не замедлил
пройти в коридор
ощупать наследство клюкой
беспристрастного взгляда.

Сердечность вздыхает,
считая в молитве рубли,
ликуя, что смотрится в зеркале доброй шалуньей.
И мечет в рассол
размельченную взвесь конопли,
заквасив капусту
в торжественный час полнолуния.

Они появляются ночью
на черных конях.
И плавно ползут, не включая во тьме габариты.
И мы просыпаемся тотчас
в блаженных слюнях
осмыслив коварство, с которым
все окна раскрыты.

Ночной человек
априори бесстыдный злодей.
он фары включая, поет озорные куплеты,
и вдруг освещает
на улицах голых людей
и нежно обнявших березы
живые скелеты.

Подростком смущенным
прильнув к телефонной трубе,
я будто подводник глядящий в просвет перископа,
не смею признаться,
что первая мысль о тебе

была плотоядна,
как грозные воды потопа.

Холостяцкая песенка

В густом рассоле дышат караси.
Мой дедушка храпит на небеси.
Но два оживших снова колеса —
в движение приходят телеса.

Мы жалкие глотатели воды,
мы шлепаем по стеночкам следы,
пока в стеклянных банках зелен лук,
пока ушами слышен птичий стук.

Ты верно понимаешь лишь одно,
животно презирая полотно:
мурлыкают в утробе голоса —
в движение приходят небеса.

Мы жалкие хвататели слюды,
мы держим сковородки у плиты,
пока нам вяжет сеточки паук,
пока нас не подвесили на крюк.

До свидания

Я скажу «до свидания» каждому кораблю,
каждой птице, собирающейся на юг,
каждой девушке, которую люблю...
И безвольно выпущу из рук.

Мне не хватит ни молодости, ни простоты
признать за собой какую-нибудь вину.
Вот и осень расшвыривает листья,
укрывая и эту страну.

И ветер баюкает – большего не проси,
погружая наше жилище в глухую тьму.
Если свадьба играет где-то на небеси,
ее не слышно в твоём доме.

Я не знаю, кто здесь останется навсегда,
а кому потом предстоит бесконечный путь.
Но на свете уже есть города,
где мне никогда не уснуть.

Я готов, если нужно, назвать их число,
имя каждого города, где любил.
И можно считать, что мне сказочно повезло,
раз прочее позабыл.

Халиф на час

Птицы, хотя их много на одного
тебя, присмирившего на исходе зимы,
могут вернуться только в родимый край,
ни о чем не задуматься, не принести письма.
Их трудно назвать земляками, этих бродяг,
им слишком нравится солнце, а воровство —
любимое дело всех перелетных стай,
тем более, всюду им пастбища, закрома...
Вполне простое событие.

Итак,

ты волен не слушать их крики, хлопки, шумы;
забыть осторожность, грядущее сжать в кулак,
ничего не дожидаться и не сойти с ума...
Играют фалангами пальцев – мол, кто кого?
слабеют, маются, тянутся взять взаймы,
комкают справку на вход в вожеленный рай
рабочие руки у вышедшего из тюрьмы.

Ласточке

До рассвета ласточке влюблённой
выдан отпуск в дождике метаться,
сквозь косой туман воздушных просек
вылетать морянкой да ищейкой.
Знаешь, если думать без истерик,
что покой берётся ниоткуда,
я всего лишь ветреный матросик,
так же невпопад одушевлённый...
Лёгкий, будто сшитый белошвейкой,
в первый раз сходя на новый берег,
не смогу ни встретить, ни расстаться,
скользкие деньки свои забуду,
раз уж мне вернуть не довелось их.

Бибракт

Табу детской комнаты

Окно вымыли на ночь.
Оно стало совсем холодным.
Мне нельзя пить чистую воду,
брать руками круглые вещи.

Мне нужно привыкнуть к другому.
К белой щелочи, к черной марле,
к кускам сухого картона.
Вот и довольно свободы.

Неизвестно, что более тщетно —
покой или беспокойство...
Точно так же мечтают кошки
гладить волосы человека.

Я готов промолчать и об этом.
Глухота почти идеальна.
Все равно, о чем ты попросишь.
Все равно нужны только двери.

«Dahin, dahin...»

М. Шереметевой

Я пойду туда, где снег,
голубой, как глаза Богородицы,
прихваченный ледяною коркой,
выпуклый и равномерный,
царствует на полях ночных.

И под тяжким хвойным крылом
мой оставленный дом,
в который я больше не верю,
живет и стареет вместе со мной,
так же как я, вымаливая прощенье.

Черные камни, обнажив холодные лбы,
ждут, когда мы заговорим с ними вслух,
будто нашли ответ на вопрос
нерукотворного времени.

Это страшно когда понимаешь,
что деревья, озеро, снег, небеса,
державшие мир в трудовых рукавицах,
видят тебя насквозь, и ни за грош
готовы продать твою душу.

Да, только туда и стоит идти,
чтобы приблизиться ко всему, что сильнее.
Оплетанье любовью имеет столько же прав,
сколько жажда возмездья, а узнать
имя чужого бога – уже победить.

Конь деревянный, не оловянный конь

Е. Перченовой

Конь деревянный, не оловянный конь,
мохом оброс, перевернул свой воз.
в полночь глухую раскрыта твоя ладонь:
яблоки кубарем катятся под откос

с тайной вершины прохладно бежит вода
на заколдованной мельнице лает пес
время застыло, теперь уже навсегда
в прошлое утекают потоки слез

тихо иголка гуляет в твоей крови
маленькой рыбкой кусает столетний лед
что остается от нашей святой любви
только по речке лебяжье перо плывет

бедный возникший от горя совсем иссох
он разрывает, рыдая, свою гармонь
в темных глазницах коня прорастает мох
конь деревянный, не оловянный конь

в темной душе мужика прорастает стыд
звезды не лезут за словом в его карман
зимним морозом, он словно водой облит,
и разрывает сверканьем сырой туман

он продвигается к станции как слепой
там догорает последний в ночи огонь
если любовь, то ее обретет любой
конь деревянный, не оловянный конь...

Украденный совет

Мшарники преют в сырых лесах.
Леса уходят в тайгу.
Гадюка запуталась в волосах:
когда ты спала в стогу.

Русалкам к лицу человеческий страх,
едва полыхнет трава.
С воротников кружевных рубаш
оборваны кружева.

Монете приятно лежать в росе.
Сметане бродить в тепле.
Солдату на пахотной полосе
уютней лежать в земле.

Но в ступе сухой раздави пестом
ветвящийся корешок.
С ольховым перемешай листом
живительный порошок.

И я разбужу восковых людей,
глиняных воскрешу.
Веселье рассыпанных в ночь костей
на привязи удержу.

И вскоре ряды деревянных войск,
и оловянных войск
ворвутся в купеческий град Подольск.
И покорят Подольск.

Молитва бессильна перед грехом,
когда это детский грех.
На паперти жареным петухом
гуляет безумный смех.

И порознь раскуренный табачок
стелет по потолку.
И даже соломенный твой бычок
тянется к молоку.

Отчаяние

Солнце за годом год
в сердце возводит ад.
Шепчет упрямый рот:
«Ты сам во всем виноват».

В душу вонзив персты,
вытягивает из жил
имя моей звезды:
ты все это заслужил.

Ты все это возжелал
в материнском нутре.
«Молоха обожал,
кушал на серебре».

Ты сам меня полюбил,
когда я любила боль.
Ты ею меня кормил,
отведать теперь изволь.

Торфяниковая вода
течет из ее горстей.
Она глядит в никуда,
на руки берет детей.

Дождь стоит над рекой,
точит столетний лед.
Ты обретишь покой,
когда кто-нибудь умрет.

Чабаклы

Кони встали у деревни Чабаклы,
за заборами услышав волчий вой.
В голове моей звенели кандалы:
так бежал я с одурелой головой.

Улюлюкала встревоженная степь.
Я на площади пустой упал на снег,
уцепившись за колодезную цепь,
в ней увидел свой последний оберег.

Полетели с перевернутых саней
по оврагам крутобокие кули.
Ты не станешь ни богаче, ни бедней.
коль придешь испить воды на край земли.

Я пил воду ледяную из ковша,
Я не мог в ту ночь насытиться водой.
Руку левую держала мне душа,
Руку правую сковал мне дух святой.

Только сердце не досталось никому:
ни волкам, ни добропамятной жене,
я пил воду, будто нянчил кутерьму,
на роду Тобой написанную мне.

Мрачным войском встали за полем леса,
словно ворон крылья черные раскрыл.
Я на небе видел мамкины глаза,
Я пил воду – будто с нею говорил.

Виночерпий

Вращение березовой листвы
мелькающее в небе ускоренье
паденья навзничь бесконечный стон
за каруселью ласковой молвы
меняющей как птица оперенье
услышишь колокольный звон

София приближается к тебе
и отступает на волне обратной
любой пикник торжественен как храм
я был приятен пьяной голытьбе
и свyksя с их привычкой неприятной
не просыпаться по утрам

мне непонятны жители равнин
их танцы широки, но беззащитны
они повязаны ландшафтной наготой
убитый на дуэли дворянин
хмельной бродяга, чьи уста зашиты
и старец в пустыни святой

я не поверю нежным палачам
доносчикам на стоптанных ходулях
охотничьей валторне на ветру
я руки приложу к твоим плечам
услышав летний гул в свистящих пулях
срывающих с берез кору

собакою на уличной цепи
таков удел бескрайнего простора
об этом просят, этого хотят
а мы мечтали табором в степи
со смехом догонять ночного вора
пока года летят...

усыпано ромашками крыльцо
а нам хотелось, чтобы васильками
стоит в светелке с розами вазон
я вижу в мутном зеркале лицо
беру его как груз двумя руками
и снова погружаюсь в сон

В гостях на родине

И. Бродскому

Разолью чернила, забуду искать бумагу,
потому что время идет только снаружи.
И позвоночник длинного речного архипелага
покрывается инеем в зыбкой рассветной стуже.

И большие костры, постепенно лишаясь цвета,
отражаясь друг в друге, стоят на рыбацком плесе,
меж травы и реки, что сбивается вдруг со следа,
не встречая знакомых огней на крутом откосе,

на котором, скорее всего, никогда не поздно
строить каменный дом или храм в дорогой известке,
чтоб опять задаваться вопросом, вполне серьезно, —
почему в каждом доме скрипят под ногами доски;

почему каждый храм сторонится прямого взгляда
и высокою тенью ложится в пустые воды.
Человек состоит из воды, и одна отрада,
что кому-то достанется пресный глоток свободы;

что кому-то не надо бродить из варягов в греки,
присматриваться то к Западу, то к Востоку.
Ведь ты умер своею смертью, и в этом веке
и, значит, находишься где-то неподалеку.

Вот и хлопают двери в великой моей Сибири.
Все ушли. И скоро уйдут их души.
Думай только о них – чтоб скорей забыли:
Человек состоит из воды. И полоски суши.

Младенцы

Младенцы в материнской утробе,
с безжалостными лицами китайских
правителей глядят друг на друга,
перебирая чётки грядущей войны.
Щурясь в отблесках северного сияния,
они спят, не обращая внимания
на крики иноземных проводников,
рычание сторожевых собак.
Мы создаем их на радость себе,
зная, что преумножаем скорбь:
на случай, если силы иссякнут,
или наша дорога зайдет в тупик.
Близнецы внушают ужас одним народам
но обоготворены другими.
Мы больше не знаем кто есть мы,
поэтому просто идем на свет
по земле, лишенной ступеней.
Два болотных шара в твоём животе
трутся нагревающимися боками,
чтоб однажды, исполнившись превосходства,
вырваться из воды в настоящую бездну,
пытаясь разом заглотить весь её воздух,
даже не пробуя его на вкус.

Свадебное путешествие

Взяв дугу горизонта наперевес,
солнце врезалось в столетний лес,
и я самый грешный из наших дней
отсекал до корней.

Вдоль по склонам проскакивали бугры,
словно голые ржавые топоры.
И, обернувшись, каждый куст
рассыпался в хруст.

Я ехал, я так любил тебя,
чтобы в сердце билось два воробья,
чтобы мой позавчерашний храп
убегал, как от хозяина раб.

По протокам проскакивали угри,
точили низ ледяной горы,
а потом кукушкино яйцо
бросали под колесо.

Рассвет стоял в ветровом стекле,
он был единственным на земле,
он выползал, он тщедушил бровь.
У него была кровь.

И я не дышал, как на море штиль,
завернув тебя в небольшой наряд,
я вез твою матку за тысячу миль.
Много дней подряд.

Она там плыла как лицо в серьгах,
в фотографических мозгах,
как царевна в серебряном гамаке.
Раскачиваясь вглубоке.

Из морей выпрыгивали киты,
и глубины на миг становились пусты.
И цветастые клевера вороха
вплетались в коровьи потроха.

В гуле дождя проливного

В гуле дождя проливного,
дождя ночного,
я слышу хохот своих детей,
снова
пускаюсь по коридорам,
как пес от стены до стены,
вслушиваюсь в чужие стоны и сны.

В гуле дождя проливного,
дождя ночного,
все переполнено страхом.
Вымолвить слово
все трудней и труднее,
когда язык
от человеческой речи отвык.

В гуле дождя проливного,
дождя ночного,
спят в ворохах белья льняного,
младенцы спят,
тени к ним не льнут,
сердца их упрятаны в самый уютный кут.

Солнце дышит на них как корова,
солнце – их сердце в гуле дождя ночного.

Разрывая клочья сетей
я иду по следам смеха своих детей.
Вода, а не суша будь нам основа,
коль земля нам не уготована и не готова.

Любовь

Глянешь, и ясно, когда предаст.
Поставлю на десять лет.
Мертвой земли черноземный пласт,
словно стекло на свет.
В мертвой земле прорастет зерно.
Горечь сожми в горсти.
Рано ли, поздно – мне все одно.
Нам с тобой по пути.

У синего моря

Расскажи о рыбачке, о бросившем невод муже.
О желаньях, исполненных с глупою прямоюй.
Я делал как лучше, но стало хуже.
Не успокоит грешник, и не спасет святой.

Мы жили с тобой у теплого синего моря.
Мы выбирали сами дорогу в рай,
но в радости капля за каплей копилось горе.
Вот и плеснуло теперь через край.

Море мертвой воды затопило уши.
До небес поднимается над головой корма.
Хуже худшего, жизни и смерти хуже.
Мне страшно подумать, что ты сошла с ума.

Я другого не вижу понятного объяснения.
Где та девочка, что со мной жила?
А веленья щучьего и моего хотенья
оказалось мало без твоего тепла.

Так бывает, когда совсем иссякают силы.
И не спросишь совета у встречного на пути.
Здравствуй, милая. Здравствуй, мой сизокрылый.
Бог с тобою. И больше так не шути.

Не до шуток. Зачем мне пустые шутки,
раз над судьбой никогда не подняться ввысь?
Мы так долго стояли в томительном промежутке
и потом стремительно разошлись.

Я готов заблудиться в заливах под вечным льдом.
Согласен сгореть в стогу, никем не разбужен.
Хуже не будет, некуда хуже,
даже если станет хуже потом.

Я считал, что добра от добра не ищут,
но душа теперь словно карман пустой.
Я дарил тебе платья за многие тыщи,
но ты получила счастья рублей на сто.

Гроза (романтическая)

Окинув безумные взоры кровавым белком,
гроза заливала полнеба парным молоком.
И брошенный наискось ливнем соломенный крик
в глухой немоте проходил переплетами книг.

В прыжке оттолкнувшись ногою с живой тетивы,
по каменным стенам метались прозрачные львы.
И свет, на мгновенье скользнув по высоким углам,
стремился шальным полотером по голым полам.

Но полночь была неподвижна отвесом храмин,
вставая в душе серединою всех средин,
подобная тихой улыбке на слове «сейчас»
и миру всему, в полукруг обступившему нас.

Я что-то рассказывал, будто предчувствуя труд
брожения, перерождения новых минут,
сгорающих, как города, чтобы каждый твой жест

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.